

18+

Анастасия Иванова

Анастасия Александровна Иванова

Self-absorption. Малая часть истории карьера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73311268

ISBN 9785006922952

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Охотник и Жертва – их игра длилась много веков, пока в привычный ритуал не вмешалось Место, сияющий город, что заманивает к себе новых жителей светом маяка, стоящего ниже уровня моря, и выбраться из которого могут лишь те, кто, получив желаемое, находит в себе смелость от него отказаться.

Содержание

Метаморфоза	5
Глава 3. Оранжевое сияние первого дня	29
Дорога	34
Часть первая	34
Часть вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Self-absorption

Малая часть истории карьера

**Анастасия
Александровна Иванова**

*– Я читал однажды в книге какого-то ученого –
естествоиспытателя, что смерть есть явление
непонятное и случайное, отнюдь не вытекающее
из условий жизни.*

«На серебряной планете» Е. Жулавски

© Анастасия Александровна Иванова, 2026

ISBN 978-5-0069-2295-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Метаморфоза

В темноте его глаза отдыхали. Размытые силуэты деревьев слабо освещались скрытым за кронами фонарем, редкие блики автомобильных фар заставляли его болезненно смыкать веки. Если что-то пойдет не по плану, ему придется заглянуть к одинокой девушке, спящей этажом выше. Покинув ее пару часов назад, он занял свой пост, облокотившись на перила в лестничном пролете между первым и вторым этажами. Перед тем как застыть, он открыл окно и теперь с наслаждением вдыхал концентрированный аромат позднего лета. Вслушиваясь в тишину ночи, он еле заметно шевелил челюстью, методично пережевывая высушенные листья, отвратительный вкус которых раздражал отмирающие рецепторы и не давал туману в голове заблокировать примитивные команды мозга костенеющему телу.

Замереть и не шевелиться на этой стадии означало, что через несколько минут каждый сустав даст о себе знать тупой тянущей болью. Потребуется напомнить телу о том, что оно в какой-то степени еще живо: с сухим хрустом подвигать пальцами рук, еле заметно переместить вес тела с одной ноги на другую, напрячь отдельные мышцы и глубоко дышать. К тому же в теле этого возраста любое полноценное движение становилось пыткой раскаленными иглами, которые выдавливал наружу спрятанный внутри него палач. В эту ночь

другие химические вмешательства в процесс ни к чему бы ни привели, последние чувства вернулись днем, легкое головокружение сменилось дезориентацией, а пульсирующая боль привычно заполнила весь подкожный объем, каждый миллиметр плоти, разрастаясь в сторону движения и в его отсутствие находя лазейки в порах и изломах ветхой кожи. Три недели репетиций и подготовки к этому вечеру дались ему нелегко.

Наблюдатель пришел в движение, сигналом к тому послужил звук приближающегося автомобиля. Убедившись в большей степени на слух, что тот припарковался в правильном месте, человек посмотрел на часы. Затем, неловко опираясь на трость, он спустился на первый этаж, нажал кнопку вызова лифта и одновременно с хлопком закрывающейся входной двери вошел в кабину, выставив одну руку наружу, сдерживая ее, пока не услышал:

– Подождите, – мужчина легкого подбежал к лифту, успев остановить смыкающиеся двери.

Дряхлый старик, щурясь и сильно сутулясь, сделал шаг в глубину кабины.

– Добрый вечер, свет на этаже так и не починили?

– Нет, – еле слышно прошептал старик. Его душил исходящий от молодого человека запах табака и парфюма. Курение – единственная вредная привычка, которую за полгода он заметил за редактором, тот ни разу не попадался в алкогольном или наркотическом опьянении.

Лифт остановился, и двери громко открылись в темноту лестничной клетки.

– Придержите, чтобы я включил у себя свет, тогда вы сможете нормально зайти к себе, – не дождавшись ответа, редактор уже поворачивал ключ в замке.

Молодой человек сделал шаг в свою квартиру, но у самого порога споткнулся и почти потерял равновесие. Выругавшись, он нащупал выключатель и в озаренной ярким светом прихожей обнаружил аккуратно разложенные по всему полу подушки.

– Какого черта... – редактор резко развернулся и в смятении уставился на пожилого соседа. Тот внезапно оказался слишком близко, здесь же, в его прихожей, наступил на одну из валявшихся подушек и по непонятной редактору причине протянул руку к его плечу. Молодой человек рефлекторно схватил старческую руку и в этот же момент почувствовал укол в области шеи. С силой оттолкнув старика, так, что тот не устоял и, отлетев в угол, сполз на пол, редактор уставился на шприц у своих ног. Прижав одну руку к шее, он наклонился и попытался другой поднять упавший предмет, но промахнулся. Разозлившись сильнее, со второй попытки он все же сгрэб шприц, но в следующую секунду с удивлением осознал себя лежащим на полу. Переход в горизонтальное положение оказался безболезненным, и на лице редактора мелькнула благодарность за чью-то предусмотрительность. Теряя сознание, он из последних сил попытался сфокусиро-

ваться на лице человека, развалившегося в дверях, но тяжелые веки сомкнулись, и сознание покинуло его. Наступившую тишину нарушал только тяжелый свистящий шепот.

Старик начал считать с момента, когда сделал шаг в квартиру, а ее хозяин включил свет. Он продолжал считать после того, как закрыл за собой дверь, воспользовавшись несколькими секундами замешательства редактора, и в течение всей короткой борьбы, к последствиям которой был готов, хотя привык к иному ходу событий. Обычно в лифте или на пороге своей квартиры будущая жертва поворачивалась к нему спиной. Дальнейшие действия были доведены до автоматизма и даже новые руки отточенными движениями освобождали шприц из рукава, вводили тонкую иглу в шею занятого своими мыслями человека, ноги сами выбирали дистанцию, чтобы не попасть под удар и вернуться обратно, когда теряющая сознание жертва падала в его объятия. Но преклонный возраст внес в отрепетированный танец свои коррективы, охотнику тоже нанесли ущерб. Его дряхлое тело требовало отдыха после пережитого стресса, но в этот период метаморфозы позволить себе перерыв было опасной роскошью. Несколько минут без движения и его распадающиеся ткани переставали подчиняться приказам мозга, тело как будто бы разобщалось. Требовалось потратить немало драгоценного времени на мысленные приказы. Сначала – в каждый палец одной руки, вперед-назад, вперед-назад. Вперед – и деформированные кости вонзались в истонченные суставы фаланг,

назад – и раздавался хруст изношенных конечностей. Чтобы встать, ушли бы часы.

Остановившись на шестидесяти, старик подполз ближе к лежащему на полу телу, убрал из-под него подушки и, опираясь на дверной проем, со стоном встал на ноги. Наклонившись, он взялся за край покрывала, который расстелил в коридоре еще утром, и тяжело потянул его вместе со спящим на нем мужчиной в глубину квартиры. В приглушенном свете гостиной старик затащил тело на середину огромной плотной пленки, расстеленной посреди комнаты так, что с закрепленными на мебели краями та образовывала некое подобие пиалы. Перевалив обездвиженного с покрывала на пленку, старик приступил к освобождению редактора от одежды. Но сил в дряхлом теле не хватило на то, чтобы приподнять торс молодого здорового человека и вытащить руку из рукава рубашки, тогда он снял с него только обувь, потратил некоторое время, чтобы встать с пола, и направился на кухню за ножницами, на обратном пути свернув запереть входную дверь. Закрыв все замки, старик протянул трясущуюся руку к выключателю погасить свет и замер перед зеркалом. В лифте редактор не обратил внимания на скрытое под шляпой лицо дряхлого соседа, которому раз в неделю помогал с покупками и у которого никогда не видел гостей. Серая сухая кожа обтягивала кости черепа и, казалось, под ней совсем не осталось прослойки мышц или жира. Он приблизился к своему отражению: одним глазом он уже ви-

дел проступающее треугольное желтовато-коричневое пятно на тусклом зрачке второго, красную кайму на границах губ. Этот летний вечер – идеальное время, последний дееспособный день, а лучшего кандидата, чем редактор, если отбросить его тягу к табаку, сложно было представить: тридцать пять лет, живет один, за месяц в квартире кроме него самого никто не появлялся. Три раза в неделю посещает спортзал, по пятницам возвращается домой немного за полночь. Эта пятница не стала исключением.

Выключив в остальных помещениях свет так, что остался один единственный его источник – настольная лампа, перенесенная на пол рядом с редактором, но за пределами пленки – старик вернулся к телу с ножницами. Разделавшись с одеждой, он с трудом достал ее из-под обмякшего тела и проверил карманы. Действие введенного препарата не позволит жертве сразу, придя в сознание, дать серьезный отпор, но на полу лежал сильный здоровый человек, поэтому охотник связал его руки и ноги заранее припасенными веревками, концы которых закрепил на мебели так, что редактор во весь рост растянулся между противоположными стенами комнаты. Осталось совсем немного времени, но, закончив с последним узлом, старик не сразу поднялся с пола. Прислонившись спиной к укутанному пленкой дивану, он замер: у его ног спокойно дышало спортивное, способное на многое тело. Он наклонился, провел уродливыми руками по упругой молодой коже, оценивая силу мышц, их возмож-

ность давить, рвать, обнимать. Двигаться без ограничений. Всегда. Пергаментные, в коричневых и лиловых пятнах руки продолжали исследовать здоровое тело, ощупывать сильные мышцы бедер, пресса и шеи молодого человека. Старик удовлетворенно улыбнулся и в ход пошло обоняние. Не обращая внимания на боль, он наклонил безволосую голову к груди жертвы и жадно втянул ноздрями его запах – чистый, терпкий запах пота смешанный со слабым ароматом парфюма и табака. Время подошло, это тело было почти совершенным.

Встав, старик выкинул обрезки одежды редактора за пределы пленки и расположился за письменным столом с принесенной из коридора сумкой хозяина квартиры. Достав из нее ноутбук, он потратил немного времени на поиск нужных файлов – какая безответственность, оставлять личный ПК без пароля. Вот оно – имя в списке авторов, то же, что и на обложке книги, найденной здесь же на полке. Не было никакой необходимости сравнивать имя в списке с обложкой, та же книга лежала в рюкзаке незваного гостя, он хорошо его знал. В файле рядом с интересующим его именем стоял только телефон и электронный адрес, адреса проживания не было. Он проверил почту, затем звонки и сообщения в ранее извлеченном из кармана жертвы телефоне и отключил все устройства. За пару суток никто не должен был сильно беспокоиться отсутствием связи с редактором. В воскресенье вечером он уже будет способен отвечать на сообще-

ния. Старик извлек из кармана сложенный в несколько раз лист бумаги, расправил его и оставил на столе. Голый человек на полу все еще не подавал признаков жизни, и старик приступил к финальному этапу подготовки его пробуждения. С трудом сняв с себя всю одежду, обнажив покрытое пятнами высохшее тело, он ступил на пленку и заранее припасенной клейкой лентой закрепил ее единственный оставшийся лежащим на полу край к ручке шкафа, а затем, опустившись на колени за головой обнаженного мужчины, завязал тому глаза.

В образовавшейся полиэтиленовой чаше присутствовал третий гость: на двух обнаженных людей безмолвно смотрела серая фигура полузверя-получеловека. Не выше годовалого ребенка, с нижними лапами животного и человеческими руками глиняная статуя гордо восседала у обездвиженных ног редактора, вывалив из оскаленного рта огромный язык.

В слабо освещенной комнате похожий на мумию старик вонзил в шею спящего второй за этот вечер шприц. Через несколько секунд редактор захрипел, его тело ожило, но, ограниченное веревками, смогло позволить себе лишь несколько судорожных движений. Мумия положила руку ему на плечо.

– Ты в безопасности. Мне нужна только информация, – сухой старческий голос показался знакомым пойманному в ловушку молодому человеку. Лишенный права видеть,

редактор лихорадочно поворачивал и запрокидывал голову в поисках источника звука.

– ... что угодно...

Старик немного отодвинул повязку с глаз мужчины и поднес книгу почти к самому его лицу:

– Автор этой книги – кто она? – отвратительный запах окатил молодого человека, вызвав в ослабленном от инъекции теле приступ тошноты.

– Мы встречались только раз, я знаю имя, это ее первая книга.

– Как ее найти? – старик вернул повязку обратно и отбросил книгу за границу полиэтиленовой чаши.

– Я не знаю, она абсолютно замкнута, живет не в городе, не согласилась на съемки и интервью, у меня есть телефон и почта, последний раз мы переписывались о ее второй книге пару недель назад.

– О чем она?

– Что?

– Вторая книга?

– Не знаю точно, продолжение первой.

Старик улыбнулся, у его истории будет продолжение.

– Значит, вы можете встретиться для обсуждения второй книги?

– Мы только переписывались, она отказывалась приезжать. Пару раз говорили по телефону.

– Это приглашение, – прошептал охотник скорее себе,

чем жертве.

– Отпустите меня! Возьмите, что хотите! Я скажу, где деньги... есть дорогие часы и книги, первоиздания, ноутбук, фотоаппаратура...

– Успокойся, мне больше ничего не нужно.

Задержав дыхание от напряжения и вони, что разъедала рецепторы его носа, редактор оцепенел на несколько долгих безмолвных секунд, пока не услышал хруст у самых своих ушей. Полноценная возможность двигаться к нему еще не вернулась, он попытался расшевелить руки и понять, есть ли возможность освободить их, но скрип трущихся друг о друга костей послышался уже совсем близко, и в следующий момент холодное обнаженное тело накрыло беззащитного пленника. Зловонное редкое дыхание застыло над самой его головой.

Охотник убрал с лица жертвы повязку. Глазам редактора потребовалось пару секунд, чтобы привыкнуть к тусклому освещению. Напавший же не спешил действовать, милосердно позволяя себя рассмотреть. От ужаса и введенного препарата узник окаменел: над ним склонилось лицо немощного соседа. Только теперь он обратил внимание, насколько безжизненным было это лицо – сухая кожа, потрескавшиеся губы, помутневшие глаза...

– Ты ведь не болеешь чем-то серьезным? – проскрипел старик.

Парализованный страхом молодой человек отрицатель-

но мотнул головой; омертвевший от смрада, исходившего от старика, он оставался лишь зрителем в этом нелепом действии. Спустя дрящущую вечность минуту его оцепенение спало, пленник судорожно задергался и попытался закричать, но голос его подвел.

– Зачем? Чего вы хотите? Отпустите меня!

Усталые глаза старика закрылись, со стоном он двинулся вниз, но движение длилось недолго – редактор почувствовал дыхание на своей груди и не успел он вскрикнуть, как тупые огрызки зубов вонзились в его шею.

Старик жадно отрывал кусками плоть, проглатывал и впиался в тело бьющегося в конвульсиях мужчины вновь. Он высасывал кровь из углубляющейся раны и вгрызался уже в кости стертymi до десен зубами. От его былой скованности не осталось и следа. Со стороны его действия казались направленными на то, чтобы поглотить тело редактора целиком, не дать и капли крови попасть мимо алчного рта. Будь то волосы, мозг или ногти – он не брезговал ни единой частью своей жертвы: ломая собственные редкие зубы, разгрызал кости, глотал их невозможно-огромными кусками, одновременно и сам переставая напоминать человеческое создание. С продвижением вглубь и внутрь изувеченного редактора тело старика приобретало неправильные формы: на раздувшейся середине туловища, где еще недавно висели дряблые складки живота, его кожа растянулась настолько, что готова была лопнуть, а конечности, потеряв опору костей,

оплели свою жертву, будто веревки.

Прошло несколько часов, прежде чем клокочущее бесформенное нечто, покрытое мокрой оболочкой, в луже собственных соков, медленно вытекающих из глубоких трещин на его поверхности, без остатка поглотило редактора и замерло в своем коконе.

С трапезой было покончено.

Утренний свет, проникший в комнату через щель у края окна, что отгородили от происходящего внутри плотно задернутыми шторами, отражался от стены и растворялся в полумраке квартиры, в которой течение времени снаружи никого не интересовало. Но только до момента, пока солнечное пятно на стене совсем не потускнело. Тогда, в луже из стекающей с огромного кокона жижи появилось движение, и исходящие из него звуки нарушили тишину.

Будто десятки суставов захрустели одновременно: из-под скользкой оболочки раздалась приглушенная щелчка, а на ее поверхности возникло волнение. Сначала то была лишь легкая рябь, без острых углов и глубоких провалов, но вскоре рельеф кокона стал меняться быстрее, и бесформенная липкая масса начала уплотняться. Сквозь тонкую пленку отчетливо проступали и резко исчезали отпечатки ребер, гребень позвонков; ладонь без части фаланг попыталась разорвать плотный барьер, но безуспешно. В полутьме могло показаться, что под серым шелковым покрывалом велась замысловатая любовная игра, без вздохов и сто-

нов, но с глухими звуками, какие доносятся из огромных кипящих котлов.

Борьба закончилась внезапно, существо внутри последний раз напряглось и резко опало, окутанное высыхающей оболочкой, под которой отдаленно угадывались очертания человека. Кокон потерял объем и застыл в бездыханной тишине.

Свет больше не проникал из-за штор, единственным его источником снова была настольная лампа, силы которой едва хватило на то, чтобы человеческий глаз смог уловить промелькнувшие в пасти безмолвной глиняной фигуры – сторожа покоя того, что осталось от ее хозяина – тени.

Десятки продолговатых неровных блестящих камешков, размером с леденец, возникали друг за другом в углах рта безумно ухмыляющегося животного и падали к его лапам. Лакированные, черные, на полу они приподнимались на шести сложно изогнутых лапках и, скрипя коготками по пленке, проверяли их способность к движению. На две пары длинных лапок опирался самый большой из трех сегментов тельца жуков, а на покрытой тонкими волосками поверхности этого овального сегмента в слабом искусственном освещении едва различались четыре немного не симметричных оранжевых пятна. Третья короткая, с желтыми волосками пара лапок крепилась под панцирем второго почти круглого сегмента, похожего на щит. На трапециевидных головках жуков расправились усики, оканчивающиеся яркими в цвет

пятаен надкрыльев щетками.

Через несколько минут насекомые облепили кокон. Прогноировав застывающую вокруг него жижу, не прерывая тишину, жуки старательно разгрызали и разжевывали оболочку, слой за слоем подбираясь к существу внутри; они трудились пока утро вновь не окрасило в белое тонкую полосу на стене у окна. Смешиваясь с искусственным, солнечный свет словно оценивал проделанную насекомыми работу: оставшуюся оболочку уже сложно было назвать коконом, истонченная, местами с дырами, она едва скрывала под собой тело молодого мужчины.

Обнаженный человек на полу резко дернулся, он отпустил обхваченные руками колени и попытался перекатиться на спину. С его первыми судорогами пришли в движение и жуки: они посыпались с тела хозяина, повыползали из трещин того, что некогда было кожей старика, и затем спрятались в почти высохшей луже у лап глиняной фигуры. Ослабленный жуками покров серыми лоскутами опутывал человека, пытающегося совершить свой первый вдох. Приставшая к лицу пленка проваливалась полусферой в лихорадочно открывающийся рот, но не рвалась – насекомые не добрались до его лица. С еще заклеенными глазами и носом, корчась без доступа кислорода, обнаженный человек все-таки смог неверными пальцами найти рот и сдернуть с него часть тканей, оставшихся от кокона. За первым болезненным глотком воздуха последовали остальные – с хрипами вдохи и преры-

вистые выдохи. Почти бездвижно, с редкими судорогами, лежащий на боку человек еще долго боролся с дыханием, пока оно не стало ровным и спокойным.

Справившись с легкими, новорожденный принялся освобождать глаза: все еще непослушными пальцами он соскребал застывшую пленку, ранил веки, отрывая с остатками обложки волосы и ресницы. За частично очищенной кожей напряженно бегали глазные яблоки; содрав пелену, человек испуганно попытался сфокусировать взгляд ярких серо-зеленых глаз на предметах в комнате, но не находил опоры, пока не опустил взгляд ниже, к своим ступням. В его глазах промелькнуло сознание, отголосок памяти откликнулся в невысоком истукане с человеческими ладонями и внушительными когтями нижних лап, что заменяли тому ноги – человек узрел в нем что-то знакомое. Яркий проблеск воспоминания успокоил скрюченного на полу, он как будто совладал с внутренним волнением и страхом; расширенные зрачки не выпускали из видимости оскалившееся глиняное животное, пока еще скованный ссохшимися лохмотьями кокона обнаженный мужчина выпрямлял конечности и пытался приподняться на локтях и коленях. Он метался и поворачивался, подползал головой ближе к статуе, отталкиваясь плечами и непослушными руками. Наконец, устав, он остановился и застыл, со стороны казалось, будто он молится древнему идолу: выгнув позвоночник и подобрав под себя ноги, мужчина обхватил голову ладонями и преклонил ее перед

истуканом.

Через несколько минут он протянул вперед одну руку, нащупал шероховатую поверхность статуи, другой оперся об пол и начал подъем. Каждое совершаемое впервые движение, изучалось им: он скользил непослушными ступнями по гладкой поверхности пола, балансировал, держась за стену слабыми руками, старался не уронить голову, фокусируя взгляд на пальцах ног. Поборов собственное тело, человек принял устойчивое вертикальное положение и обнаружил себя в ограждении из пленки, доходившей ему до пояса. Простояв, изучая конструкцию еще некоторое время, он с сомнением взялся за заметно надрезанный, отмеченный яркой краской край пленки и потянул вниз. Материал легко поддался, и через обнажившийся в полупрозрачной преграде проход мужчина неуверенными шагами выбрался наружу.

Короткий путь в несколько метров дался ему не просто, в рваных ошметках когда-то живой ткани, в разводах засохшей серо-коричневой грязи, совершенно голый, он остановился возле окна, борясь с головокружением и привыкая к высоте собственного роста. Сквозь плотные шторы тонким серебряным лезвием просачивался солнечный свет, мужчина слегка отодвинул занавес и в следующий миг вскрикнул от режущей боли в глазах. Когда боль ослабла, и яркие пятна перестали слепить, он прикрыл веки одной ладонью, другой же схватился за середину шторы и резко дернул на себя. В комнату вторгся поток бесцеремонного света и залил каж-

дый сантиметр перед собой. С невинной простотой он осветил все, что осталось в импровизированном манеже от того, второго человека: куски тканей и костей, разбросанных по пленке, разводы человеческих жидкостей, обломки зубов. Спрятавшийся за стеной не интересовался месивом на полу, он сделал еще шаг и замер с закрытыми глазами. Солнечный свет падал ему на спину, ягодицы, ноги, согревая и успокаивая. Он стоял, пока тепло, проникая все глубже и глубже в его тело, снимало оцепенение долгих часов, проведенных на жестком холодном полу.

Грудная клетка интенсивнее заходила под развитыми, сильными мышцами привыкающего к этому телу человека. Пока он растворялся в солнечных лучах, с каждым новым вздохом к нему небольшими порциями возвращалось что-то неуловимое и смывало с лица растерянность и страх. Отдавшись первым приятным ощущениям, он расслабился, отпустил руку от опоры и сделал несколько почти уверенных шагов к двери. Такая самонадеянность чуть не стоила ему потери равновесия, но мужчина успел добраться до цели и упасть на дверь. Недолго провозившись с дверной ручкой, обнаженный человек оказался в коридоре. Не осматриваясь, он, словно зная куда идти, направился вдоль стены к ванной комнате, дверь которой была предусмотрительно оставлена открытой.

Едва переступив порог, он увидел лист бумаги, приставленный к раковине на черной лакированной столешнице – «Тошнота». И это слово, будто отпустив некий внутренний

барьер в организме того, кому оно было адресовано, согнуло его пополам, уронило на колени перед унитазом и заставило извергнуть из себя потоки красно-бурой неоднородной субстанции. Что-то застряло в горле и он, давясь и раздражая пальцами основание языка, сумел захватить и вытащить изо рта длинный кусок чего-то склизкого, прозрачно-серого, и тот с тяжелым всплеском упал в сливное отверстие. Мужчина последовательно прочистил нос, а затем закрыл крышку и спустил воду.

Его движения приобретали уверенность, любое действие стало даваться ему хоть и с трудом, не с первой попытки, но уже без необходимости анализировать и обдумывать каждый шаг; будто с очищением желудка к нему вернулась порция памяти. Держась за столешницу и больше доверяя силе ног, человек встал с пола и оказался перед зеркалом, из которого на него смотрело серое лицо редактора. Слипшиеся волосы, грязные разводы по всей коже – эта картина не испугала мужчину. Он рассматривал себя в зеркале, прикоснулся, ощупывал новое тело, и на его лице отразился усталый триумф человека, прошедшего многие тысячи миль и достигшего цели. Осмелившись убрать обе руки от опоры, он встал почти прямо, влажные от исторгнутой массы губы раскрылись, но из горла вырывались только хрипы.

Новорожденный стоял, наблюдая за своим отражением, в его взгляде появилась осмысленность – самоидентификация и тестирование возможностей тела проведены успешно,

настало время придать себе человеческий вид. Редактор зашел в душевую кабинку и включил воду на максимальный напор. От холода его тело забилося в судорогах, сердце застучало так, что заглушило шум воды в ушах. Он снова захрипел, но, давая мышцам привыкнуть к новым ощущениям, не переключал на теплый режим; подняв голову навстречу потоку, он принялся жадно поглощать живительную влагу, обжигая горло огромными глотками. И только когда его желудок наполнился до боли, а кожа от холода потеряла чувствительность, окоченевшими руками он повернул регулятор температуры.

Уже в тепле исследуя каждый участок своего нового тела, человек в теле редактора не менее часа до красноты оттирал и соскребал с себя все следы прошлых суток. А вместе с ними в слив стекали остатки его прошлого тела.

После душа обнаженный мужчина не стал спешить в поисках одежды. Сделав шаг из кабины, он приблизился к запотевшему зеркалу: вчера он также рассматривал это лицо, но оно принадлежало не ему, оно искажалось от страха, оно не отвечало сменой выражения на его мысли. Теперь же он с удовольствием наблюдал, как на высоком лбу разглаживались межбровные складки, а на коже в уголках глаз появлялись и исчезали неглубокие заломы – свидетели активной мимики прошлого владельца. Пара светло-зеленых глаз почти нагло смотрела на идентичную пару в отражении и не скрывала удовлетворения, вся их растерянность

исчезла с кусками присохшей чужой плоти. Мужчина улыбался, а в зеркале самоуверенно ухмылялась его точная копия. Оценивая фигуру напротив, он выпрямился: тело, с которого можно было отливать статуи античных богов, атлетичное и гибкое, он еще не проверил его в действии, но уже обладал им, а, значит и знал свои возможности. Его улыбка стала шире, обнажив два ряда ровных белых зубов.

Сладковато-пыльный запах плотным туманом встретил его за пределами ванной комнаты. На секунду смутившись, мужчина повернул в ближайшую открытую дверь и оказался на современно оборудованной просторной кухне, где чья-то заботливая рука приклеила к окну лист с указанием «Открой». Поток свежего воздуха ворвался в задымленное помещение и пронесся от стены и обратно, вытесняя удушливую массу наружу. Стоящий посреди кухни мужчина один за другим сделал несколько глубоких вдохов, заполняя легкие до отказа, задержал дыхание и громко выдохнул.

– Голод, – произнес он чисто, без хрипа.

Он уже слышал этот идеально подходящий мужественной внешности редактора голос, спокойный и мягкий, не слишком низкий, его тональность заставляла прислушиваться и доверять обладателю.

Ему не потребовалось много времени, чтобы разобраться с техникой и найти пищу, оставленную в доверху забитом продуктами холодильнике. Ловко орудуя утварью, все еще

без одежды, он время от времени замирал в нерешительности посреди кухни. Внутренние уголки его бровей в такие моменты удивленно поднимались вверх, образуя две параллельные складки над переносицей, но уже через секунду падали вниз, веки под ними прикрывали миндалевидные глаза, на расслабленном лице появлялось задумчивое выражение, и уже следующее движение совершалось в безошибочном направлении. Медленно, с наслаждением, он принялся за приготовленную пищу: умело работая столовыми приборами и никуда не спеша, он долго пережевывал каждую порцию, тестируя вкусовые рецепторы и совсем недавно очищенный пищеварительный тракт.

Утолив голод, мужчина вернулся в гостиную, обнаружив за дверью приторный, неразбавленный как в других комнатах дымно-копченый, в своей плотности приглушающий яркость дневного света запах. Преодолев тот же путь, что и с утра, в обратном направлении, редактор зашел в импровизированный манеж, внутри которого оставалась разнородная серая масса, со стороны напоминающая кучу пыли, смешанной с кусками грязи и землей, такой, что бывает у разбитых не заасфальтированных дорог возле промышленных предприятий, грязи, пропитанной маслами, что вытекают из-под грузовых машин. В середине пленки, где несколько часов назад он яростно пытался освободиться от пут собственной старой оболочки, сухая и никому не нужная бесформенной тряпкой валялась его бывшая кожа. Под ней

и рядом лежали осколки, по очертаниям которых невозможно было догадаться, какое единое целое они когда-то составляли; только одна кость у лап глиняного идола сохранила свой изначальный вид. Рука мужчины лишь слегка коснулась ее неровной поверхности, как та рассыпалась, будто слеplена была из пепла. Мужчина обернулся к окну, солнечный свет уже не слепил как утром, на стекле же он увидел приклеенную записку – «Убратъ-открыть». Поднявшись в поисках других подсказок, он направился в противоположный угол комнаты, где на рабочем столе хозяина квартиры его внимание привлек зеленый камень, которому резчик придал форму, отдаленно напоминающую морду летучей мыши, а под ним – лист бумаги с единственным написанным на нем числом – «3120».

Словно приветствуя, мужчина провел пальцами по трещине, пересекавшей блестящую поверхность камня от огромного уха и до оскаленной пасти, затем надел оставленную аккуратно сложенной тут же рядом на столе одежду и вернулся в манеж, где его в позе верного пса ожидал терракотовый истукан. На его спине редактор открыл плотно подогнанную под размер отверстия крышку и, осторожно перевернув зверя, вытряхнул из полости оказавшегося сосудом истукана сухую бесшумно упавшую на пленку полупрозрачную шелуху. Аккуратно, слой за слоем он разгребал упавший к его ногам прах, пока среди невесомой пыли и хрупких кусков органической ткани не прикоснулся к чему-то скользко-

му. Подложив под находку ладони, он бережно поднял серую слипшуюся массу, внутри которой под кусками переваренной плоти белели овальные вкрапления. Надежно спрятав горсть обратно, мужчина убрал глиняную фигуру с манежа и уже без церемоний сорвал пленку со всех используемых для крепления поверхностей. Свернув следы борьбы двухдневной давности, он, наконец-то, открыл настежь все окна.

Покончив с уборкой, остаток дня редактор без усталости и с наслаждением оценивал выносливость и силу нового тела.

– Бывали и лучше, – сказал он с небольшой отдышкой после очередной серии ударов в воздух – но это подходящее, современное.

Произнося это, редактор смотрел на пристроенную к стене нефритовую маску – приплюснутая морда стилизованного животного ничего не выражала.

Он лег спать, когда было уже далеко за полночь. Каждый раз в первую ночь после новой метаморфозы ему приходил один и тот же сон, словно память сквозь времена бросала ему якорь самоопределения. Каждый раз он старательно отодвигал момент перехода из бодрствования в состояние беспомощности сна. Но веки неотвратимо тяжелели, с трудом размыкая их, он глядел сквозь ресницы на расплывающиеся контуры окон, на слабое свечение за ними, пока долетающие с улицы звуки становились тише, и тело переставало

принадлежать ему, вместе с сознанием умирая до утра.

Глава 3. Оранжевое сияние первого дня

– Прочь! Уходи! – собрав последние силы и всю власть, на которую был еще способен, кричу я в ответ на голос старшего сына, произнесшего мое имя.

Эхом разнеслось оно от входа в глубину пещеры, где я прячусь, задыхаясь от собственной вони. Сын больше не зовет меня. Сколько времени я провел здесь, выползая наружу лишь в ночи? Должно быть, второй день. Солнечный свет отражается от каменной стены напротив моего убежища, значит, третья ночь с момента моей смерти еще не настала.

Да, это была настоящая смерть, ставшая завершением долгой болезни. В тот первый день после возвращения из похода, поднимаясь по многочисленным ступеням храма, я почувствовал головокружение. Впервые в жизни я испугался, что скачусь вниз, к ногам ликующей толпы.

В тот день боги покинули меня.

Еда стала безвкусной и больше не насыщала меня, снабдь отторгались, едва проникнув в мою глотку, а жертвы, воздаяния и молитвы оставались не услышанными. Пять дней провел я в горящем от боли теле, без сна и еды; никто не мог найти причину недуга. Пока на шестой день праздника, оглушенный ревом толпы и грохотом эха от ударов

собственного сердца, задыхаясь под тяжестью облачения, не вспомнил я ту, что год назад, проклиная меня, умирала выше, за стенами храма. В исступлении сорвал я с себя маску и с нею же сбросил на каменные ступени все символы, давящие на голову и грудь; в мгновение на площади стихло. В звенящей тишине я отдал приказ найти каждого, кто мог знать ее и быть из того же непокорного рода.

Еще пять дней провел я в бреду, так сказал мне сын, лишь его пускал я к себе с вестями. Тогда я был слаб, но еще мог передвигаться. Никого не нашли ни в спаленной деревне, ни в ее окрестностях, никто не слышал о выживших после той бойни. Никто не стал бы их скрывать.

На шестой день приказал я умертвить бессильных служителей бога, что не выполнил своих обещаний. В его же доме, в дыму благовоний, чей аромат я больше не различал. И, когда на закате боль ушла, я решился взглянуть на свое отражение: то бледное высохшее лицо с ввалившимися глазами, что смотрело на меня со страхом, не могло принадлежать великому воину, одного имени которого было достаточно, чтобы испугать армию врагов его царства.

Уже к вечеру глаза тоже подвели меня. Узоры на стенах расплывались, я мог различать только тех, кто предстал передо мной не дальше вытянутой руки. Следующим же утром меня окружали лишь пятна света и тревожный шепот невидимых людей, что омывали от пота и испражнений мое дрожащее тело.

Как вдруг чужие голоса, а вместе с ними и хрипы, вырывающиеся из моей груди, исчезли. В безвременье и в полной тишине я глубоко вздохнул и задержал на долгие секунды выдох.

Но ничего не произошло.

Тишина и непроглядная серость вместо темноты. Мысль заставить себя встать и бежать улетела вместе с воздухом из моих легких.

И снова – ничего. Ни мыслей, ни движений – все остановилось.

Пока со звуком плача откуда-то снаружи вовнутрь меня не вернулась боль.

Так сколько я здесь?

Холодно. Я пошевелился, и голоса стихли. Вновь ощущаю прикосновения, обжигающие кожу. Они повсюду, суеются, я все еще не вижу, но различаю голоса. И в них – смесь ужаса и облегчения.

С первыми проблесками света в глазах я предпринимаю попытку подняться с неудобного ложа, и острая боль заполняет все мое тело, сгущаясь в мускулах и суставах. Я знаю боль, я привык к ней и стоек к ранениям, но это не та боль, что овладевает телом после эйфории боя – это боль немощи. Меня пытаются уложить обратно, уговаривают отдохнуть, но с каждой минутой без движения холод спускается все ниже к моим ногам, а сгибать суставы становится все сложнее.

И Голод. Еда не удовлетворяет его и тяжелым камнем тя-

нет желудок. Подобный ли Голод чувствуют боги, не получившие жертв?

Больше никто не должен был увидеть меня таким, и я сбежал. Как будто от проклятия можно было сбежать! Я хотел жить вечно и сделал все, чтобы не умирать, но взамен мне даровали лишь мучения.

Стерев в пути ноги до бескровного мяса, я нашел это место и упал без сил.

Во мгле пещеры я вижу, что кожа на моем теле совсем серая, она обтягивает когда-то сильные, теперь же высохшие старческие мышцы, истончившиеся почти до костей. Смотрю на свои руки и не узнаю: почти прозрачные кисти и длинные ногти на пальцах – морщусь, пытаюсь согнуть их и слышу щелчки.

Сын, наверное, ушел, никто не зовет меня снаружи. Сколько прошло времени?

Когда перестаю чувствовать конечности, я волочусь по пещере, в ночи же подползаю к самому ее краю – здесь запах моего проклятия подхватывает ветер и уносит его до самого города. Две ночи я считал звезды; сегодня они движутся, испещряя светящимися ранами черноту неба. Звуки снаружи слились в монотонный гул и успокаивают меня, возможно, я усну сегодня. Больше не хочу двигаться, пусть животные найдут меня по запаху гниющего мяса, разорвут на части и насытятся мной. Я разгневал и богов и предков, так

пусть все закончится.

Но меня снова зовут по имени... Я подымаю высохшие веки, чувствуя, как они царапают мои глаза. Передо мною лицо человека. Я знаю его, оно похоже... на мое? Его рот искривлен, зрачки расширены, он пахнет так, как должен пахнуть я...

Я голоден... и холод, согрей меня... твоя кровь несет тепло...

«Жив!» – я слышу крик в своей голове и открываю глаза.
И утопаю в оранжевом сиянии первого дня.
Один, у входа в пещеру.

Дорога

Часть первая

– Я никому не говорил про этот сон, – чтобы погасить желание закурить, редактор начал утро с упражнений, – но в книге он описан достаточно точно... и... совершенно бездарно.

Его речь была обращена к зеленому камню, все такому же безучастному к происходящему вокруг.

– Она придумала все то, что было после метаморфозы, потому что не знала... она не знает, что действительно было после. А значит – этот сон мы видим с ней вместе, и мой звонок ее не удивит.

Он продолжал двигаться на учащающемся дыхании.

– Она не видела возвращения в пещеру. Не видела как, собирая прах в урну, я в первый раз не заметил личинки, – не прерываясь, он посмотрел на правую ладонь, словно пытаясь разглядеть в ней полуразложившуюся массу и спрятанные внутри хрупкие зерна новой жизни, что возникала на месте его собственной, прошлой, – найти их впервые было довольно... мерзко...

Он остановился только тогда, когда нестерпимый голод стянул в тугой узел его желудок и пищевод, а мысль о сига-

ретах вызвала приступы тошноты.

После долгого завтрака редактор набрал номер, записанный в телефоне бывшего владельца с пометкой «в крайнем случае. Писать на почту». Трубку на том конце взяли со второго гудка.

– Добрый день.

Пауза после его приветствия затягивалась.

– Что вы хотели? – голос принадлежал молодой женщине и звучал, будто бы из подвала.

– Нам нужно обсудить вашу вторую книгу. Когда бы мы могли встретиться?

И снова долгая пауза. Сморщив лоб, редактор, будто ища поддержки, вопросительно смотрел на зеленого идола.

– Я не смогу приехать в город в ближайшее время.

– Могу ли я приехать к вам?

В это раз она ответила сразу:

– Да, через два дня. Адрес я пришлю, – и положила трубку.

– Определенно, это приглашение, – рабочие записи редактора он перепроверил много раз, адреса проживания автора нигде указано не было.

Сказавшись больным на работе, данные ему два дня редактор посвятил сборам. Выбрав время, когда лестничная клетка опустела, надев перчатки, он вернулся в квартиру старика и с порога направился в комнату, чтобы выключить кондиционер. В квартире он не задержался, взяв заранее со-

бранные сумки и пакет, из которого, несмотря на плотно завязанные края, ощутимо тянуло удушающей смесью трав и больницы, он открыл в каждой комнате форточки, достал из холодильника кастрюлю и оставил ее на столе рядом с пустым пузырьком таблеток. Старик не держал животных, а за восемь с небольшим месяцев, прожитых в этой квартире, к нему заходил лишь сосед из квартиры напротив, что приносил покупки по списку.

Вечером следующего дня редактору пришло сообщение, отправитель указал в нем лишь название трассы и номер километра, с которого будет нужно свернуть на дорогу к безымянной деревне.

– «Мой дом крайний. Возьмите все, что может понадобиться. Остановитесь у меня, гостиниц нет», – прочитал он, – так что нам может понадобиться, Кам? – в косых лучах заходящего солнца зеленая морда животного, к которому обращался редактор, казалось, озабоченно шурилась в ответ.

– Думаешь, она может быть не одна? Раньше они никогда не нападали первыми, – со дна сумки, принесенной из квартиры старика, он достал пистолет, проверил коробку с патронами и вернул все обратно, заложив свертками, книгами и одеждой.

– В любом случае, теперь она знает, кто я сейчас и где нахожусь. Снова ждать и искать? Нет, рискнем.

Следующим утром, убрав надежно упакованного терротокового истукана в багажник теперь уже своего спортив-

ного автомобиля, редактор повесил на зеркало заднего вида неодобрительно смотрящего по сторонам зеленого идола и вернулся за другими сумками. В квартире не осталось ни следов борьбы, ни запахов – такой же он застал ее, когда впервые вскрыл замок, пока хозяин был на работе.

– Выставить мое имя в название, поместить на обложку под своим – смело или безрассудно? – проехав несколько кварталов, редактор свернул во двор и, не останавливая машину, выбросил ключи от квартиры старика в мусорный контейнер.

– Дав зацепку – свое имя, она сделала издательство единственной дорогой к себе, – небрежно придерживая руль одной рукой, мужчина рассеяно смотрел на мелькавший за окнами однообразный пейзаж, – никаких упоминаний в прессе или в сети, только книга и автор. Похоже, это тело выбрал не я, – бросив взгляд в зеркало заднего вида, он усмехнулся, и отражение самодовольно улыбнулось в ответ, – хороший выбор.

– Мы потеряли в слежке время, – снова обратился он к зеленому идолу, – но теперь, точно зная, что это вызов, мы готовы.

Машина уже несколько часов мчалась по трассе, за окном показались и скрылись несколько городов и деревень, редактор сверился с картой – ни одного поселения на ближайшие пятьдесят километров. Через полчаса смены полей и лесов мужчина свернул на заросшую проселочную дорогу. Оста-

вив машину недалеко от трассы, но так, чтобы не быть с нее замеченным, он взял с заднего сидения пластиковую канистру, повесил на плечо объемную холщевую сумку и направился вглубь леса. Выйдя на небольшую поляну и оглядевшись, он извлек из сумки вещи и сосредоточенно принялся сооружать из них холм. Слегка расправив, он положил в его основание сверток из пленки, а затем, зажав нос от зловония, набросал сверху бинты, одежду и куски ткани. Прикрыв все сумкой, он неспешно залил образовавшуюся гору содержимым канистры, поставил ее тут же и поджег оставленный для этого край лоскута.

Едва заметные в ярком солнечном свете языки пламени искажали пространство, давший же огню жизнь человек завороченно смотрел, как они слой за слоем поглощали одежду, расплавляли пластик и уже было добрались до содержимого свертка, но, как только пламя коснулось праха, из центра костра раздался громкий вздох, и столб искр высотой с окружающие сосны взвился вверх и в следующую же секунду упал обратно.

Огонь не оставил того, что обычно быстро и беззвучно превращалось в серые хрупкие конструкции из пепла – смесь плоти и мертвых еще до кремации жуков. Вместо того обмлевший редактор с ужасом прислушивался к слабому писку, что доносился из сердца догорающего костра, из-под ошметков обугленного пластика. Спотыкаясь о корни, он поспешил вернуться к дороге.

Сев в машину, мужчина судорожно открыл бардачок и лишь с третьей попытки смог извлечь из него пачку сигарет, обнаруженную там несколько часов назад в поисках документов. Уже прикуривая, он посмотрел на себя в зеркало – широкий рот застывший в нервном изгибе, глаза, с трудом фокусирующиеся на отражении – он опустил взгляд ниже и убрал сигарету обратно в пачку:

– Найдя ее, спустя века, и сдохнуть от рака? – он засмеялся, и, все еще нервно потирая одной рукой подбородок, повернул в замке ключ зажигания.

– Судя по голосу, она молода, – солнце было в зените, когда он почти добрался до нужного поворота, – с последней метаморфозы из ее книги прошло восемь лет, шесть из которых она присутствовала в моих видениях, а затем пропала два года назад. Она, видимо, тоже искала путь привлечь мое внимание, пока я ломал голову, как найти ее. И вдруг книга. Как там... менял не самые качественные терминалы – интересная аналогия – может быть последние сто-сто пятьдесят... Все верно, чтобы не привлекать лишнего внимания. Мир стремительно меняется теперь. Но вот сейчас – сейчас можно перестать быть незаметным.

В размышлениях, он проехал очередной километровой столб. Притормозив лишь через несколько десятков метров, редактор оглянулся: с правой стороны в лес уходила узкая заасфальтированная дорога. Он посмотрел в навигатор – со вчерашнего дня нужная дорога так в нем и не появилась.

Сдав назад, мужчина поравнялся с указателем, гласившим «26». Но одновременно тот умалчивал, до какого объекта было это расстояние.

Асфальт закончился через несколько метров, а вместе с ним пропали и привычные звуки; узкая просека, с двух сторон отделенная от густого леса неглубокими канавами, сделала первый резкий поворот, и трасса с ее суетой и шумом скрылась из виду. Редактор сбавил скорость, дорога сильно петляла, прямые участки длились не больше сотни метров. Стена из хвойных деревьев, сцепляясь у самых вершин, почти не пропускала солнечного света. Открыв оба окна, мужчина глубоко вдыхал опьяняющий влажный воздух, наслаждаясь прохладой после городской духоты. Пусть и без покрытия, дорога была вполне сносной.

– Едем словно по высохшему руслу реки, – проговорил редактор.

Весь день он провел за рулем и без остановок, не считая эпизода с уничтожением улик, а потому уже отчетливо слышал мольбы желудка о еде.

– Зачем столь глубоко заманивать того, кого боишься? – редактор включил дальний свет, – ее предшественницы объяснили мне, почему они знают мой облик, как видят меня до превращения. Но они все прятались, бежали – это был их образ жизни, никто и не думал устраивать ловушек. Зачем я ей? В пятой главе она верно указывает мою цель – найти и исправить. Не отомстить и не убить – слишком много вре-

мении прошло, да и цель, в конечном счете, достигнута, я все еще жив. Так зачем ей этот риск?

Зеленый идол размеренно покачивался на своей цепочке.

– Книга – хлам, даже для первого раза, штамп на штампе. Очередной роман о вечном скитальце, без развития героя и достойной кульминации. Повезло, что издали. Согласен, исторически она точна. Похоже, есть записи, дневники предшественниц – отдельные главы сильно отличаются от других стилем и посылом. От страха средневековья она переходит к любопытству, наблюдает за мной, издевается, – он усмехнулся, – а любовная линия? Пошлость в угоду аудитории. Нелепость, чтобы придать смысл бестолковому сюжету, – он замолчал, задумчиво высматривая очередной резкий поворот.

Еще петля, и редактор взглянул на часы – начало восьмого – он был в пути уже больше двенадцати часов, хотя по его расчетам добраться он должен был в два раза быстрее.

– Если только в итоге мы не окажемся на обратной стороне планеты, Кам.

Лес изменился: редкие стволы сосен, вырастая, будто из пустоты, улетали в небо и растворялись в запутавшихся в их кронах облаках; на высоте в два человеческих роста от земли все линии и краски стер туман.

Запах болота заполнил салон машины, еще недавно ровная поверхность дороги превратилась в две заросшие травой колеи, грозившие закончить путешествие в любой момент.

Солнечный свет каждый раз непостижимым образом оказывался за спиной редактора – лишь в зеркалах заднего вида он ловил отражение стекающих по стволам деревьев оранжевых ручьев, что гасли, едва каснувшись поверхности тумана. Фары осторожно ползущей машины однозначно указывали на невозможность разворота. Лоб редактора покрылся глубокими складками, он притормозил и проверил телефон – шкала связи была пуста – две борозды между его бровями стали еще глубже.

– Где это чертово место?!

Крик, что казался столь громким в салоне автомобиля, вырвался из открытых окон и, пролетев не больше метра от своего источника, растворился в сгущающейся мгле.

Оглушенный тишиной редактор закрыл окна. Его руки неуверенно сомкнулись на руле, и он продолжил свой путь в единственно оставшемся направлении.

– Кам, если бы я послал за ней, она убила бы себя, как остальные, – глядя только вперед, он старался не обращать внимания на почти отсутствующую видимость, едва ли достаточную для того, чтобы успеть затормозить при появлении на пути ямы или упавшего дерева.

Туман рассеялся внезапно, и в пространстве расступившихся деревьев прямо перед редактором возникла огромная каменная стена.

– Что за... – едва успел он нажать на тормоза.

В двух шагах от капота машины возвышалось невозмож-

ное для глухого леса явление – плита. Высотой не менее пяти метров, испещренная надписями, она не указывала ни на одну из двух дорог, что, убегая за нею вдаль, образовывали почти идеальный прямой угол.

– Развилка. Как в сказках.

Редактор оглянулся в темноту, из которой приехал. Быстрым движением он достал из сумки с заднего сидения пистолет, снял предохранитель и положил оружие рядом, на пассажирское сидение. Его взгляд снова вернулся к плите; переключив с дальнего, он подъехал ближе и присмотрелся к ее рельефу.

На влажной, местами поросшей мхом поверхности монолитного камня были выбиты сотни рисунков и слов, они заполняли ее сверху донизу почти всю; со своего места редактор разглядел лишь небольшой гладкий остров у самой земли.

Губы мужчины зашевелились.

– Земля солнца, Врата бога, Убежище... – на языке редактора произнес он высеченное на разных языках, – что за шутка? Большой части уже из них уже не существует...

Напряженным взглядом он скользил по изящным надписям, состоящим из линий и петель, по скоплениям острых кольев и зонтиков, по причудливым окнам из ромбов и квадратов – он узнавал изгибы одних древних знаков и не мог прочесть других – тех, что умерли еще до его рождения.

Побледневший редактор сдал назад, и свет фар охватил

плиту почти во всю ее высоту. Он что-то искал на черной поверхности камня, но, не найдя того, зажмурил глаза и, закинув голову, спрятал лицо в ладонях.

Спустя минуту, мужчина решительно снял зеленый камень с цепочки, на которой тот крепился к зеркалу, сравнил две безразлично теряющиеся в темноте дороги и, не найдя подсказки, раскрутил недовольно озирающегося идола на приборной панели. Когда вращение прекратилось, Кам, чья морда в тусклом освещении тревожно смотрела вверх, выбрал направление – нарост на его лбу однозначно указывал влево.

– Тебе тоже не по себе? – произнес редактор, вглядываясь в озабоченно расширенные каменные глаза.

И в тот же момент тяжелая волна света нарушила сумрак салона автомобиля. Она пронеслась справа, на мгновение озарила пассажирское сидение и так же быстро исчезла во тьме. Не успел мужчина среагировать, как новая волна белого сияния прорвалась сквозь лес, очертив скелеты деревьев, укрытые тяжелым маревом листвы. Редактор подался вперед, и следующий луч пролетел над его головой – источник света находился справа.

Повесив камень обратно, редактор завел машину и повернул в сторону света.

– Давай узнаем, зачем так далеко от воды понадобился маяк.

Часть вторая

Он старался не обращать внимания на все то, что находилось за пределами машины, пытался делать вид, что не замечает того, как небо скрылось за толстой аркой сомкнувшихся крон. Невысокие, стремящиеся не в небеса, а посягающие на как можно большую территорию деревья изгибались и словно ползли вдоль дороги, опираясь на ветви, не менее сильные, чем стволы. Хвою сменили огромные блестящие листья, присыпанная ими земля ровным полотном стелилась под колесами, машину больше не трясло.

Почти сразу за камнем, когда шершавый частокोल сосен сменился пышным разнообразием искривленной, конкурирующей за каждый сантиметр пространства растительности, поддавшись любопытству, редактор опустил боковое стекло. Одурманивающий запах леса, которого не должно было здесь быть, ворвался внутрь и заполнил салон; до ветвей и кустарников, плотной стеной обрамлявших узкую дорогу, водитель мог достать из окна, которое тут же поспешил закрыть. Теперь он смотрел только вперед.

– Помнишь, как мы нашли ту испуганную девчужку? Единственную, что не успела себя убить? – не глядя на того, редактор обращался к периодически отражавшему свет маяка Каму, – на каком бы языке я не спрашивал, она только молча дрожала от страха. Но кто бы ее не понял? Это бы-

ли последние дни метаморфозы, я источал смрад и выглядел подобающе.

Редактор потер ладонью напряженные глаза.

– После того превращения я узнал, что ее язык был новым для меня. В книге этого нет, та девочка не успела оставить о себе след, ее история, видимо, так и не была никем записана. Но она натолкнула меня на мысль, почему я вижу их так редко. Ей никто не успел ничего объяснить, никто не напугал до чертиков байками о страшном проклятом, и в итоге она доверилась мне – человеку, который подобрал ее, голодную, бредущую по опасным улицам в поисках еды и работы, накормил, обогрел, пусть и вид мой был не на много лучше царившей кругом смерти. Я все еще хорошо помню убогую комнату, куда она привела меня, чтобы забрать те немногие вещи, что у нее имелись. И труп внутри. И ее попытки объяснить, показать жестами, как она защищалась, поиск сочувствия в моих глазах. Помню и разочарование очнуться в теле девочки, беззащитного ребенка в реалиях реформации. Мою наивную веру, что нужно всего лишь повторить ритуал с потомком. Ее сердце билось в моих руках... а я не смог остановиться лишь на нем! И все по кругу, снова... Не смотри на меня с осуждением – она в книге прямым текстом обозначила, что герой нашел способ избавления от метаморфоз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.